

*СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ЭКСТРЕМИЗМА,
НАЦИОНАЛИЗМА, ТЕРРОРИЗМА*

С.Н. ТЕСЛЯ

*Сочинский государственный университет
354000, г. Сочи, ул. Советская, д.6-а
электронная почта: Wayness@yandex.ru*

В статье рассматриваются социально-психологические истоки терроризма, экстремизма и национализма как «системы взглядов», отражающих искаженную социальную ситуацию развития, характеризующуюся рассогласованием этноса и социального субъекта и нарушением динамики ресурсов социального субъекта, каковыми выступают «индивид», «индивидуальность», «личность». Цель анализа: обосновать причины возникновения мотивации социального субъекта к экстремизму, следствием которого выступают терроризм и национализм.

Ключевые слова: этнос, социальный субъект, группа, общность, социальная ситуация развития, экстремизм, национализм, терроризм.

Взаимосвязь экстремизма, терроризма, национализма.

Размышление об истоках терроризма привело к гипотезе: терроризм вторичен по отношению к экстремизму, как вторичен по отношению к экстремизму и национализм. Следовало, таким образом, поставить вопрос об истоках, прежде всего, экстремизма, как «системы взглядов», обуславливающей аномальное, с точки зрения социальной морали и норм общения, поведение, проявляющееся, однако, на социальной сцене жизни. Гипотеза: несмотря на то, что феноменология экстремизма показывает его связь с религиозным мировоззрением, выражающим базовые нравственные и бытийные ценности народа, его истоки следует искать в социогенезе. По сути, экстремизм оказывается формой существования, а, возможно, и «разрешения», некоего противоречия, в котором участвуют две формы субъекта жизни – этнос и социальный субъект [1].

Если допустить, что у этноса и социального субъекта есть субъективные аналоги, то ими можно считать «себя» и «Я». П. Рикер отмечал противоречивое единство в индивидууме его способности оставаться «собой» (идентичным) и, одновременно, менять проекции своего «Я» во внешних отношениях уподобления «Другому» (идентификация) [2]. Таким образом,

интроспективную проекцию этноса в индивидууме выражает концепт «себя», а социального субъекта – «Я». Теперь уточним первоначально сформулированную гипотезу: экстремизм есть форма и свидетельство рассогласованности «себя» и «Я». По сути, это постановка проблемы согласования двух *форм* субъекта жизни - этноса и социального субъекта.

Проблема согласования этноса и социального субъекта.

Понятия «я» и «Я-концепции», н-р, в психоанализе, указывают на «частичного», различенного и рефлексивного субъекта цивилизованного бытия, появившегося, как тип, в эпоху огосударствления народов, на определенном этапе этногенеза. Рост населения, первоначальное накопление капитала, как следствия развития производительных сил и частной собственности, обусловили формирование в лоне этногенеза новой формы субъекта жизни – социального субъекта. В период возникновения первых мировых империй и номовых государств на Древнем Ближнем Востоке, произошло, своего рода, выпадение социальной формы самоорганизации людей из «родовой», связанной с этносом, как формой субъекта жизни. Этносное содержание жизни, при этом, скрывается, «уходит в тень», оседая, до поры до времени, на нерелексируемом уровне психики индивидуумов.

Новая форма субъекта жизни – социальный субъект - производя политические отношения и сознание, в противовес родовым отношениям и сознанию, сосредоточившись на развитии промышленности, техническом прогрессе и товарном производстве, оказалась жизнеспособной. Эта форма субъекта жизни конвенционально закрепила и новую социально-психологическую форму объединения людей - группу и групповую психологию, ставшую рефлексируемым внутренним регулятором «нового», социального, порядка, а в качестве доминирующей жизненной ценности выдвинулось благосостояние и, главное, то, что его гарантирует – власть или «сила».

В настоящее время доминирует представление об этносе как о социальной категории, подлежащей объяснению и описанию «социальным

языком» групповой психологии (социологизаторский дискурс). В результате, затушевывается собственное значение категории «этнос», что не позволяет осознать место этноса в современных социо-культурных процессах. Возможно, именно такое растворение этноса в пространстве социогенеза, мешает понять и природу терроризма, экстремизма и национализма (далее - ТЭН), прогнозировать пути преодоления этих тенденций не только как «борьбу» с ними, а именно как предупреждение мотивов к ТЭН на уровне образовательных технологий и профилактики этих социальных явлений, благодаря умелому обращению с ценностями жизни этноса.

Этнос, будучи категорией, накладываемой, как матрица, на конкретный народ, способен «высветить», насколько народ, вписанный в социальный сценарий, согласуется с «кодом» этноса, увидеть, где «народ» не дотягивает, стагнирует в своем народо-генезе по сравнению с генеалогическими константами этноса, становится социальным анонимом. Это может помочь, даже на уровне диагностики, прогнозировать социальные последствия такой дисгармонизации, среди которых можно предвидеть и возникновение мотивов к ТЭН.

Более того, сам факт существования ТЭН доказывает, что сведение опыта бытия этноса к социальному пространству-времени бессознательно переживается людьми в условиях гипер-социализации в форме реакции на «социальность» как таковую, обнажая неосознаваемую потребность не ограничиваться только ею, как фрустрированный мотив оптимизировать опыт бытия, скрытый в этногенезе.

Современная социальная ситуация развития характеризуется искажением динамики ресурсов социального субъекта, деформацией соотношения ресурсов, и в силу этого является причиной возникновения «сопротивления» депривированных проекций социального субъекта индивидуалистическому прессингу – в форме экстремистских установок, готовности разрушать сложившуюся деформацию и восстановить баланс в распределении ресурсов в структуре главного способа существования социального субъекта. Речь идет о

ресурсах социального субъекта, обобщенных в категориях «индивид», «индивидуальность», «личность», а под «главным способом существования» имеется в виду «субъектность как активность особого рода, связанная со способностью социального субъекта изменять, преобразовывать среду-объект согласно своим рационально поставленным целям и субъективному выбору. Именно эти ресурсы, на наш взгляд, их динамика и взаимообусловленность должны согласовываться с ресурсами этноса. Ресурсы этноса в этом контексте обобщены в таких понятиях как «семья», «народ», «нация».

Истоком же экстремистских настроений является исходящая из позитивистских представлений стереотипизация ресурсов социального субъекта «индивид» и «личность» под «индивидуальность». Ресурсы «индивид» и «личность», подтягиваются к «индивидуальности» и поэтому превращаются в ее ущербные проекции. Это «подтягивание» и можно толковать как исток экстремизма, исходящий от «героя нашего времени» - индивидуалистического типа субъекта с его жестко рационализированным представлением о жизни и счастье.

Естественно, переживая свою «ущербность», «индивид» и «личность», как могут, сопротивляются накату и прессингу «индивидуальности», интуитивно ища «поддержки» в иррациональных ценностях этноса, и могут дойти до крайностей нонконформизма, аномии, протестного поведения. Но у «индивидуальности» есть сильная властная поддержка – в лице государственных институтов и самого гражданского общества, дифференцированного по интересам на страты – поддержка, гарантирующая данному типу, по преимуществу, безопасность и комфорт при условии соблюдения статусно-ролевых границ и выбора сцен идентификации.

Отказ от выбора сцены идентификации, ролевых диспозиций и подчинения закону иерархии со стороны «индивида» и «личности» ведет к их наказанию и вменению им комплекса вины. Т.о., репрессивные меры и санкции испытывают на себе, прежде всего, «индивид» и «личность», пытающиеся, в ответ, настоять на собственной целостности и паритете в динамическом

триединстве социального субъекта, что может выражаться в различных формах протестного и делинквентного поведения – также носящих экстремистский характер.

На наш взгляд, такой феномен, как бюрократия – это один из, казалось бы, мирных, видов социального экстремизма, паразитирующий на установке «ущербности» «индивида» и «личности», непреодолимой в рамках искаженной динамики социального субъекта. Сопrotивляясь, «индивид» и «личность», со своей, «ущербной», стороны, стимулируют ужесточение тактики бюрократического давления на них, способствуя возникновению замкнутого круга, усиливающего воспроизведение их ущербности и закрепляя ущербность как опасную анти-норму социального бытия (тупиковые социальные ситуации). Однако рано или поздно, бюрократическая «норма» становится невыносимой для всех – и для индивидуальности, и для ее иллюзорных проекций - индивида и личности.

Терроризм в этом смысле есть следствие социального экстремизма, как «амплуа» индивидуалистически несостоявшегося «индивида», который провокационно нападает первым и подвергает сомнению свою ущербную, но, тем не менее, главную, ценность – «физическое тело». И это может быть как его собственное тело, так и тело других людей.

И «личность», профанируя индивидуалистическую мораль, но зараженная ею, может пойти на провокацию, гротескно противопоставляя ценностям социума максималистки понятые идеи «национального возрождения».

Но и сама «индивидуальность» тяготится своим тучным «я», превращаясь в мазохиста, озабоченного суицидальностью. Фигура, раскормленная властью, теряет подвижность, впадает в апатию, теряет вкус к жизни, нуждается в допинге извращенных удовольствий. Живя в «оппозициях», «индивидуальность» пестует образ «врага» в «чужом», в «другом», в «ином». В этот список часто попадают «индивид» и «личность». Образ «врага» возбуждает, рождая потребность вооружиться, чтобы уничтожить «врага»

быстро и легко. Самый легкий способ избавиться от «врага» - физически уничтожить его. От мелкого теракта до войны – благодатный полигон применения оружия «индивидуальностью».

Тот, кого объявляют «врагом», начинает бояться того, кто может физически его уничтожить. Появляется «террор» - страх. Терроризм вновь оказывается неизбежным следствием экстремизма и направлен на физическое тело человека, которым больше всего дорожит в своей жизни «индивид». Терроризм со стороны «индивидуальности» рассчитан на «индивида».

Идея «богоизбранности» народа – самый тощий и наиболее распространенный аргумент начинающего националиста. В действительности, такая идея ничего общего не имеет с идеей «нации» или «заботой о себе», но направлена против «личности», как ущербной проекции «индивидуальности», может быть рассмотрена, как отчаянная попытка понять, как возможна коррекция искаженной ситуации развития.

Т.о., национализм также может оказаться следствием экстремизма и рассматриваться как стихийное стремление со стороны переживающей свою ущербность «личности» преодолеть тупиковые социальные ситуации. Понятно, что и терроризм, и национализм отравляют жизнь в социуме и естественным образом заставляют ужесточить властный контроль, что, рано или поздно оборачивается отказом от демократических завоеваний.

Перспективным в этом контексте видится обращение к психологической модели безопасности социального субъекта, в которой представлены главные мотивационные тенденции индивида, индивидуальности, личности, позволяющие состояться синтезу социального субъекта как формы субъекта жизни, согласующейся с другой формой субъекта жизни – этносом [1].

В содержание данной модели входят критерии индивида, индивидуальности и личности, которые не являются ущербными, имеют полноценную собственную динамику внутри ресурса, предусматривающую переход к другому ресурсу и возможность синтеза всех ресурсов в полноценно развивающемся социальном субъекте.

Это следует понимать так, что каждый ресурс в структуре социального субъекта обладает собственной «миссией», смысл которой – в переходе в другое «измерение», в переходе границ собственной «самости», в колебании самости: индивид стремится к личности, личность стремится к индивиду, индивидуальность является «посредником», создающим поле напряжения отношения «индивида» и «личности», выполняет селективную функцию по отношению и к индивиду, и к личности, не имеет смысла без индивида и личности, устремленных друг к другу. В этом контексте становится понятным значение, вкладываемое в словосочетания «индивидуальность личности» и «индивидуальность индивида»: подчеркивается маргинализм ресурса «индивидуальность», вступившего в «контакт» с «индивидом», с одной стороны, с «личностью» - с другой. Вместе с тем, в этих словосочетаниях удостоверяется движение индивида – к личности, личности – к индивиду через индивидуальность, то, что все три ресурса «не стоят на месте», социальный субъект – «в активе» [3].

Этот «круговорот» ресурсов исключает стагнирование в границах одного измерения, подобен ритму дыхания, где вдох и выдох сменяют друг друга при едва заметной задержке «между» ними, собственно и делающей их «вдохом» и «выдохом» «для себя». Убери мы этот «перевалочный пункт», пропуская воздух беспрепятственно проходить в легкие или выходить из них, нарушится ритм мозговых процессов. Задержи мы дыхание на «паузе» между вдохом и выдохом, получим либо йога, либо труп. Подобно тому, как дыхание есть синтез вдоха, выдоха и паузы между ними, так и индивид, личность и индивидуальность, в оптимальном режиме их переходов и связи, дают нам синтез – социального субъекта как такового.

Вывод. Исходя из вышеизложенного, мы должны сделать следующий вывод: ТЭН не является феноменом, рождающимся в опыте жизни семьи, народа, нации. Поэтому обвинения в отношении «религиозных фанатиков», «исламских экстремистов», «русских, немецких, японских, националистов» выглядят такими же бессмысленными, как, если бы выдвигались обвинения в

террористических нападениях на англичан папуасских племен Новой Гвинеи, или в экстремистских настроениях бушменов по отношению к американцам, или в национализме аранду, не допускающих на свои сакральные инициации европейских наблюдателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психология опасности и безопасности. В 2-х книгах. Книга первая: Феноменология и философско-психологическая концептуализация безопасности субъекта жизни (Ч.1. Ч.2) /Под общей ред. С.Н. Тесля, И.Б. Шуванова. Сочи, РИЦ СГУ, 2012. 216 с.

2. Рикер П. Повествовательная идентичность [Электронный ресурс]. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php

3. Тесля С.Н. Выражение динамики социального субъекта в ПМСС. Код «позиция» по отношению к жизни в целом» в ПМСС / Психология опасности и безопасности. В 2-х книгах. Книга 2. Психологические модели субъектности и безопасности социального субъекта. – Сочи, РИЦ СГУ. 2012. – С. 65-78

REFERENCES

1. Psihologiya opasnosti i bezopasnosti. V 2-h knigah. Kniga pervaya: Fenomenologiya i filosofsko-psihologicheskaya konceptualizaciya bezopasnosti sub"ekta zhizni (CH.1. CH.2) /Pod obshchej red. S.N. Teslya, I.B. SHuvanova. Sochi, RIC SGU, 2012. 216 s.

2. Riker P. Povestvovatel'naya identichnost' [EHlektronnyj resurs]. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php

3. Teslya S.N. Vyrazhenie dinamiki social'nogo sub"ekta v PMSS. Kod «poziciya» po otnosheniyu k zhizni v celom» v PMSS / Psihologiya opasnosti i bezopasnosti. V 2-h knigah. Kniga 2. Psihologicheskie modeli sub"ektnosti i bezopasnosti social'nogo sub"ekta. – Sochi, RIC SGU. 2012. – S. 65-78

*SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ORIGINS OF EXTREMISM, NATIONALISM,
TERRORISM*

S.N. TESLYA

*Sochi state University
6-a, Soviet street, Sochi, 354000,
e-mail: Wayness@yandex.ru*

The article deals with the socio-psychological origins of terrorism, extremism and nationalism as a "system of views" that reflect the distorted social situation of development, characterized by the disagreement of the ethnos and the social subject. The purpose of the analysis: to substantiate the causes of motivation to extremism, to show the relationship of extremism, terrorism and nationalism.

Key words: ethnos, social subject, group, community, social situation of development, extremism, nationalism, terrorism.